

Обморок Гаррисона Беллу прямо во время концерта вызвал немалый переполох.

Слушатели, едва очнувшись от наваждения скорбной, разрывающей душу музыки, вдруг осознали очевидное: для юбилея глубокого старика эта торжественная песнь не подходила совершенно.

Чжун Ин закончил играть. Он безучастно наблюдал за тем, как суетившиеся телохранители и помощники поспешно увозили Беллу. Сквозь общий гул доносились испуганные крики: «Врача!», «В больницу!»

Зал гудел и бурлил — этот хаос и близко не походил на восторженные овации, которыми обычно завершаются великие выступления.

Проводив взглядом толпу, устремившуюся к выходу, юноша скользнул равнодушным взглядом по пустующим рядам, бережно взял десятиструнный цинь «Изящное созвучие» и удалился за кулисы.

Там его уже ждал Ли Цзиньцю, негромко аплодируя.

— Своим «Сражением к югу от городских стен» ты знатно спровадил старика Беллу на тот свет, — без обиняков заметил композитор. Острый на язык, он никогда не стеснялся в выражениях.

Под яростными взглядами оставшихся охранников Чжун Ин осторожно уложил инструмент в футляр.

— Скорее всего, просто перенервничал и лишился чувств, — спокойно ответил он. — Как говорится, коли совесть чиста, нечего бояться стука в дверь посреди ночи. Интересно, а ему там, в зрительном зале, не померещились те, кого он когда-то растоптал?

Никакого сострадания к Беллу он не испытывал. Десятиструнный цинь хранил в себе слишком много скорби ушедших людей. Пусть виной тому был не один лишь этот лицемерный благодетель, но его рука точно приложила к их трагедиям немало усилий.

Человек, творивший зло, не заслуживает легкой кончины. И все же судьба благоволила Беллу: несмотря на все свои преступления, он дожил до девяноста семи лет в сытости и почете — удел, доступный немногим. Чжун Ин полагал, что даже если «Сражение к югу от городских стен» окончательно уложит старика в постель и заставит испустить дух, тот все равно успел взять от этой жизни сполна.

Ли Цзиньцю покосился на стоявшего рядом телохранителя и с деланной небрежностью спросил:

— И что теперь? Воспользуемся суматохой, схватим футляр и рванем напрямик в аэропорт?

— Не нужно, — Чжун Ин медленно защелкнул замки на футляре, хотя предложение друга показалось ему на редкость соблазнительным. На губах его заиграла мягкая улыбка. — Я встретил учителя. Теперь мы сможем забрать инструмент и вернуться домой.

Как оказалось, записка Ли Цзиньцю, нацарапанная левой рукой, сослужила добрую службу. Стоило свите Беллу покинуть здание театра, как в гримерку ворвалась разгоряченная Чжоу Цзюньтун. Она с размаху швырнула брату измятый клочок бумаги, возмущенно ворча:

— Братец, у тебя почерк — точь-в-точь как рецепт у старого лекаря, без пол-литра не разберешь! Хоть бы потренировался на досуге!

— Больно надо время тратить, — фыркнул Цзиньцю. Бросив беглый взгляд на каракули, он скомкал бумажку и швырнул ее в мусорную корзину. — Главное, что ты расшифровала.

На самом деле Чжоу Цзюньтун не разобрала ни слова. Но женское чутье подсказало ей: брат в беде. Иначе он ни за что не оставил бы без ответа кучу звонков и сообщений — ведь этот человек не выпускал телефон из рук круглые сутки, и лишиться связи для него было равносильно смерти. Только внезапное происшествие или угроза насилия могли заставить его прибегнуть к столь древнему способу общения. Поняв это, девушка без промедления разыскала Доменико и вытребовала у него пригласительные билеты. И не успела она сама броситься на выручку, как нос к носу столкнулась с мастером Фанем, который, как выяснилось, тоже прилетел во Флоренцию.

— Учитель, — не успел Чжун Ин поднять футляр, как в дверях показался знакомый силуэт.

Фань Чэньюнь, одетый в простую помятую рубашку, выглядел изнуренным дальней дорогой. Тем не менее он напрямик направился к футляру, в котором покоилось «Изящное созвучие», и бережно откинул крышку.

Роскошный десятиструнный цинь из черного дерева только что явил залу свое истинное величие, и его чистейший, глубокий голос все еще стоял в ушах. Чжун Ин молча наблюдал за тем, как Фань Чэньюнь замер над инструментом. В его неподвижном взгляде читалось такое благоговение, словно перед ним предстал образ того, кого он тщетно искал всю свою жизнь.

Юноше казалось, что учитель сейчас не сдержит чувств, достанет инструмент и тут же сыграет что-нибудь, выплескивая наружу годами копившуюся боль и горечь. Однако мастер лишь молча вглядывался в очертания циня. С тяжелым вздохом он закрыл футляр и тихо произнес:

— Береги его.

Как только Чжун Ин перестал выходить на связь, Фань Чэньюнь немедленно вылетел в Италию. С собой он привез весомый ворох доказательств: официальное экспертное заключение Музея озера Цинлин, архивные инвентарные книги семейства Шэнь и бесценные исторические документы времен Китайской Республики, имевшие прямое отношение к Обществу изящных созвучий минувшего.

Впрочем, мастер больше не пытался достучаться до упрямого старика Гаррисона Беллу. Вместо этого он обратился напрямую к тому, кто готовился прибрать к рукам всю семейную империю — молодому наследнику Райану Беллу.

— Вся власть в клане Беллу до сих пор безраздельно принадлежала Гаррисону. И его дети, и многочисленные внуки на словах желают ему долгих лет, а втайне мечтают, чтобы он поскорее отправился к праотцам, — неторопливо объяснял Фань Чэньюнь ученику, пока они ехали в машине.

Огромные семейные союзы не обходятся без подковерной грызни за наследство. Стоило патриарху занемочь и лишиться возможности вести дела, как многочисленные преемники тут же бросились делить пирог. Телохранителям, которые до этого тенью следовали за Чжун Ином, поступил короткий звонок от начальства, после чего они бесследно исчезли, вернув юноше полную свободу действий. Теперь драгоценный цинь мирно покоился на просторном заднем сиденье автомобиля, словно безмолвный свидетель их тихой беседы.

— Райан Беллу — делец до мозга костей, и он дал нам самые твердые гарантии, — с легкой улыбкой продолжил учитель. — Он обещал вернуть не только «Изящное созвучие». Взамен на наше молчание он готов передать нам все реликвии рода Шэнь, которые хранятся в Музее Гаррисона Беллу и чье происхождение мы сможем доказать документально.

И в самом деле, торговая империя Беллу опутала своими сетями весь мир. Престарелый Гаррисон на склоне лет мог позволить себе плевать на общественное мнение и обвинения в мародерстве, но Райану репутация была жизненно необходима. Когда патриарх сойдет со сцены, новый глава семьи точно не станет лезть в бутылку из-за одного пускай и ценного инструмента и портить отношения с влиятельным мастером Фанем.

Немного подумав, Чжун Ин тихо произнес:

— Учитель, в тайной комнате, где хранился цинь, я видел письма господина Шэня.

Фань Чэньюнь с любопытством взглянул на него. Юноша добавил:

— Их мы тоже должны забрать на родину.

Ночной обморок Гаррисона Беллу и его экстренная госпитализация моментально взбудоражили прессу. Газетные полосы запестрели кричащими заголовками. Журналисты наперебой выражали беспокойство о здоровье великого филантропа и ценителя искусств,

однако куда больше споров разгорелось вокруг исполненного на концерте «Золотого перезвона». Мнения разделились.

Одни превозносили произведение как божественное откровение и невиданный доселе сплав восточной и западной традиций. Другие же, напротив, ворчали, что музыка должна соответствовать духу торжества, а не доводить почтенного старца до реанимации под восторженные рукоплескания толпы.

Постепенно фокус общественного внимания сместился на безвестного виртуоза, игравшего на загадочном десятиструнном цине, и знаменитого композитора. От них требовали объяснений, призывали выйти на свет и поведать о замысле столь дерзкого выступления.

Однако виновники торжества хранили молчание. Вместо них перед публикой предстал Доменико — известный пианист и владелец музыкального театра Флоренции. Его официальное заявление было кратким и емким:

— Гаррисону Беллу глубоко запал в душу «Золотой перезвон», написанный Ли Цзиньцю, а еще больше — блистательная импровизация в исполнении Чжун Ина. Он истинный рыцарь музыкального искусства, и что бы ни случилось с его здоровьем, господин Беллу никогда не станет винить саму музыку или заковывать творческую мысль в кандалы запретов. Это чистая правда, и добавить к ней нечего.

И Чжун Ин, и Ли Цзиньцю по-прежнему игнорировали назойливых репортеров. Юноша не имел представления, о чем сейчас думает его друг, но его телефон буквально разрывался от присылаемых композитором скриншотов, ссылок и его собственных бесконечных простыней текста с разбором сетевых баталий. Отвечать на весь этот спам у Чжун Ина не было ни времени, ни желания: все его силы уходили на изматывающие переговоры с кланом Беллу.

Официальная делегация из Музея озера Цинлин уже прибыла в Италию. Китайские специалисты бок о бок с хранителями Музея Беллу приступили к кропотливой сверке музейных фондов. Чжун Ин без устали принимал из Пекина сканы архивных документов и передавал их экспертам для сличения.

Параллельно ему вместе с учителем приходилось раз за разом наносить визиты Райану Беллу, утрясая массу деликатных вопросов. Они добивались возвращения целого списка других ценных экспонатов. Обговаривали условия, при которых после возвращения подлинного циня «Изящное созвучие» в Китай в итальянском музее останется его высокоточная копия. И, наконец, Чжун Ин твердо настаивал на том, чтобы архив личной переписки Гаррисона Беллу на китайском и итальянском языках также покинул стены этой усадьбы.

За чередой долгих деловых встреч о самом виновнике переполоха, угасающем в больничной палате, казалось, все позабыли. Зажатый в тиски неопровержимых исторических фактов, Райан Беллу лишился возможности спорить. После долгого, мучительного колебания он произнес:

— На днях, разбирая личные вещи деда, мы наткнулись на его дневники.

Личные записи людей такого масштаба редко бывают пустыми. Фань Чэньюнь и Чжун Ин обменялись понимающими взглядами. Райан явно заговорил о дневниках не из праздного любопытства — там крылось нечто весьма серьезное.

— У вас есть какие-то особые пожелания на этот счет? — вежливо осведомился Фань Чэньюнь. Он слишком хорошо знал повадки дельцов, чтобы поверить в их бескорыстную щедрость.

И предчувствие его не обмануло. Слегка замявшись, Райан нерешительно выдавил:

— Состояние дедушки крайне тяжелое, врачи говорят — остались считанные дни. Перед тем как окончательно потерять силы, он... просил позвать Чжун Ина. Он хочет видеть только его.

Лучшие эскулапы Италии суетились вокруг койки Беллу, но даже они понимали: старик обречен. В редкие минуты сознания Гаррисон открывал мутные глаза и часами тупо пялился в потолок. Если к нему обращались с вопросами, он лишь едва слышно хрипел: «Шэнь Лин... Чжун Ин...»

На пороге вечного мрака перед его внутренним взором бесконечной чередой проносились картины прожитых лет. Ему казалось, что вся его долгая жизнь была лишь одним затянувшимся, мучительным ожиданием.

Когда-то он ждал нового китайского посла, который привез весть о том, что Шэнь Лин скончался три года назад.

Он ждал открытия собственного именного музея, где некогда пылившиеся на складах реликвии клана Шэнь наконец обрели статус охраняемого достояния.

Он ждал открытия Музыкального театра Флоренции, чтобы собственноручно дать поэтические имена его залам: Зал Маргариток, Зал Фиалок, Зал Роз, Зал Падуба.

Он ждал концертов десятков китайских виртуозов, надеясь вновь пережить те же чувства, но ни один цинь в их руках не звучал так, как нужно. Их игра казалась то слишком слащавой — в ней не было той суровой, звенящей стали, что рождалась под пальцами Шэнь Линя. То слишком резкой — лишенной его бархатной, обволакивающей глубины. То чересчур мягкой — неспособной передать ту щемящую, неизбывную тоску.

А затем в его жизни появился Фань Чэньюнь. Его игра на сцене была безупречной, классические мелодии лились плавно и благородно, заставляя зал затаить дыхание и плакать от восторга. И только Гаррисон в глубине души ревниво сравнивал его с Шэнь Линем. После того памятного выступления Беллу по привычке пригласил музыканта к себе.

Тогда Фань Чэньюнь мягко улыбнулся и сказал:

— Нас с вами, господин Беллу, связывает давняя нить. Насколько мне известно, мой двоюродный дедушка когда-то был вашим близким другом.

— Что за вздор? — старик недовольно прищурился. В те годы вокруг него роились легионы неизвестных талантов, мечтавших снискать его покровительство, и он счел эти слова очередной дешевой попыткой набить себе цену.

Но музыкант ничуть не обиделся. С прежним невозмутимым изяществом он пояснил:

— Мой двоюродный дед — рано ушедший из жизни старший брат моей бабушки. Его звали Шэнь Лин.

В тот миг Гаррисону показалось, будто перед ним стоит сам Шэнь Лин в свои сорок лет. Сила его искусства действительно превосходила все, что Беллу доводилось слышать доселе. И все же Фань Чэньюню не нужны были его деньги или влияние. Ему требовался лишь один-единственный инструмент.

Сколько бы Беллу ни сулил ему других реликвий, какую бы золотую гору ни обещал выстроить для его карьеры, Фань Чэньюнь оставался непреклонен: верните десятиструнный цинь «Изящное созвучие».

«Да почему же вы все пытаетесь отобрать его у меня?! — в бессильной злобе думал тогда старик. — Тот далекий разоренный Китай вообще не подходил для такого гения, как Шэнь Лин! Шэнь Лин должен был жить здесь, в благословенной Италии, рядом со мной...»

Но Шэнь Лин так и не приехал.

— О чем ты хотел поговорить? — холодный, резкий голос бесцеремонно оборвал путанные мысли умирающего.

В глазах Беллу все плыло. Он сквозь пелену различил силуэт у постели: черные волосы, темные бездонные глаза, строгое темное одеяние — настоящий вестник преисподней. Но интонации... интонации этого юноши до боли напоминали голос Шэнь Линя.

— Гаррисон Беллу, что ты хочешь мне сказать? — ледяным тоном повторил Чжун Ин.

Старик судорожно распахнул веки, пытаясь сфокусировать угасающий взор на лице незваного гостя. Сквозь туман слепоты он отчаянно силился разглядеть черты юноши, словно надеялся вновь увидеть безвременно ушедшего друга.

Чжун Ин не собирался тратить время попусту. Недовольно нахмурившись, он бросил:

— Если тебе нечего сказать, я ухожу...

— Дерево иссохло, но сердцевина его жива... — Спустя долгие дни безмолвия из горла Беллу наконец выдавился хриплый, прерывистый шепот.

Дрожащими, скрюченными пальцами он вцепился в металлический бортик кровати, тщетно пытаясь приподняться, но бессильно повалился обратно на подушки. Жадно хватая ртом воздух, он спросил:

— Кто... кто сказал эти слова?

Чжун Ин скрывать правду не стал. Старик перед ним дышал на ладан, но упрямо таращился на него, ожидая ответа с маниакальным упорством.

Юноша посмотрел ему прямо в глаза и ровно произнес:

— Это действительно слова моего деда. Но я умолчал о том, что он приходил к тебе дважды. В первый раз ты приказал выставить его вон. Во второй раз ему все же удалось с тобой встретиться.

Двадцать лет назад, во время его первого визита, Чжун Ин еще даже не появился на свет — об этом он знал лишь со слов учителя. Четырнадцать лет назад, когда дед предпринял вторую попытку, юноша был слишком мал, чтобы участвовать, но сейчас он мог поведать об этом во всех подробностях, глядя прямо в лицо лжецу.

— Тогда дедушка просил лишь об одном: позволить ему войти в группу реставраторов «Изящного созвучия». Он знал об этом инструменте всё. Он изучал его устройство долгих сорок лет. Возвращение утраченных реликвий Общества изящных созвучий минувшего было смыслом всей его жизни.

Произнося эти слова, Чжун Ин не смог сдержать глухой дрожи, просочившейся в его голос под грузом горькой памяти.

Его взгляд, острый и холодный как бритва, впился в бледное лицо больного.

— Скажи, Беллу, ты помнишь, какими словами ты его вышвырнул?

В угасающем разуме Беллу зашевелились похороненные воспоминания. Пелена перед глазами сгущалась, тело отказывалось служить, но безжалостные вопросы Чжун Ина заставили его мозг вспыхнуть яркой, предсмертной вспышкой ясности.

Он вспомнил. Вспомнил до последнего слова.

— Ты — безвестное ничтожество! Как ты смеешь утверждать, будто понимаешь устройство десятиструнного циня? Обычный бродяга и мошенник, решивший поживиться за мой счет!

— Моя дружба с Шэнь Линем скреплена подлинным списком свитка «Панорама рек и гор на тысячу ли»! Когда мы с ним вели беседы под звуки великих мелодий, тебя, жалкий обманщик, еще и на свете не было!

— Если еще раз посмеешь оклеветать мое честное имя, я сгною тебя в тюрьме!

Из мутных глаз старика хлынули слезы. Он с ужасом смотрел на стоявшего перед ним юношу.

Когда этот безвестный мастер Линь Вангуй впервые постучал в его двери и честно изложил свою просьбу, Беллу, выслушав отчет дворецкого, не на шутку перепугался. Охваченный паникой и стыдом, он поспешно разыскал какую-то старую трухлявую доску, отдаленно похожую на остов циня, и объявил всему свету, будто выкупил на аукционе поврежденное «Изящное созвучие».

Но спустя несколько лет Линь Вангуй вернулся. Он говорил о тонкостях мастерства, о том, что инструмент подобен человеку: даже если дерево иссохло, его сердцевина остается живой. Он доказывал, что инструмент из тысячелетнего черного дерева просто не мог прийти в такую негодность, и умолял доверить реставрацию ему. Он всем сердцем желал вернуть к жизни цинь своего великого предшественника.

Но чем увлеченнее говорил мастер, тем сильнее сжималось от страха сердце Беллу. Ведь Линь Вангуй понимал в этом искусстве слишком много. Он понимал Шэнь Линя, знал до тонкостей историю Общества изящных созвучий минувшего. Стоило такому человеку хотя бы раз коснуться подделки, как обман тут же раскрылся бы! Весь мир узнал бы, что Гаррисон Беллу — обыкновенный вор, присвоивший чужие сокровища и скрывающий их в подвалах.

Старик лежал неподвижно, из его широко раскрытых глаз катились слезы, а приоткрытый рот судорожно ловил воздух. О том, что он все еще жив, свидетельствовало лишь слабое, свистящее дыхание. Чжун Ин смотрел на него сверху вниз. В его душе не было ни капли жалости — лишь бесконечное, выжигающее омерзение.

— Учитель рассказывал мне, через какие круги ада пришлось пройти дедушке, чтобы просто добиться аудиенции. Но ты так и не впустил его. Ты лишил его даже шанса взглянуть на инструмент.

— Двадцать лет назад мой дед был никому не известным мастером, а учитель — лишь рядовым, мало кому интересным исполнителем.

— Чтобы пробиться к тебе, они годами заводили нужные знакомства, искали лазейки, цеплялись за любую ниточку. Там, в далеком Китае, они без усталости разыскивали каждого музыканта, которому довелось выступить в твоём театре, и расспрашивали об одном...

— Какую музыку предпочитает этот всемогущий Гаррисон Беллу?

Ещё до того как Чжун Ин появился на свет, целое поколение людей положило свои жизни на алтарь возвращения одной-единственной реликвии. Чтобы угодить вкусам этого бесчестного, тщеславного скупщика, они годами оттачивали мастерство, продумывали каждый шаг, репетировали до изнеможения. И стремительный взлет Фань Чэньюня на музыкальный олимп, и его демонстративные, раз за разом следовавшие отказы от выступлений во Флоренции — всё это было частью одного грандиозного, выверенного до мелочей плана.

Двадцать лет, четырнадцать, десять, пять... Некоторые из тех, кто начинал этот путь, ушли из жизни, так и не дождавшись финала. Другие упрямо шли вперед, ступая осторожно, словно по тонкому льду. Ни один из них не прожил столь легкую и долгую жизнь, как этот умирающий старик.

— Ты на пороге смерти, Беллу. Но даже там, за чертой, тебе не суждено встретиться с господином Шэнем, — Чжун Ин не обращал внимания на испуганные перешептывания врачей и родственников, теснившихся у дверей палаты. На его губах заиграла безжалостная улыбка. — Он обрел покой в чертогах праведников. Твоя же дорога ведет напрямик в ад.

Глаза Беллу в испуге округлились, из них хлынули новые потоки слез, а из груди вырвалось нечленораздельное мычание. Медики тут же оттеснили юношу, суетливо замеряя показатели на мониторах. Чжун Ин хладнокровно отступил назад, краем уха ловя бессвязный, едва различимый бред угасающего сознания:

— Прости... прости меня, Шэнь Лин... простите, китайцы...

Гаррисон Беллу умирал. И Чжун Ин не чувствовал к нему ничего, кроме брезгливости. Этот человек прожил долгую жизнь и владел «Изящным созвучием» дольше, чем кто-либо другой. Но он так и не смог стать духовным братом Шэнь Линя, ибо до конца своих дней оставался слеп к его сокровенным помыслам.

Пока в палате металась белая халата, а за спиной раздавался сдержанный плач родных, Чжун Ин мысленно перенесся к последним строкам из дневника Шэнь Линя. То была его лебединая песня, его предсмертная воля:

"С фронта приходят вести о славных победах. Младший дядя удостоился звания командира дивизии и продолжает сражаться на передовой. Многие шлют свои поздравления и с надеждой вопрошают: когда же Общество изящных созвучий минувшего вновь созовет слушателей?"

Печально, но путь из далекой Италии на корабле займет не меньше полумесяца изнурительной

качки. Мои силы тают день за днем, и я лишь молю небо о скорейшем выздоровлении, дабы лично отправиться на поиски нашего циня «Изящное созвучие».

Мои верные соратники отбыли в Америку уже более пяти лет назад. Живы ли они? Нашли ли те драгоценные инструменты, что ценили превыше собственных жизней?

Уповаю лишь на то, что в один прекрасный день все мы исполним обет и вернемся под сень родной обители, дабы возродить великое Общество и вновь наполнить мир чистейшими напевами былого"

В один прекрасный день...

Обязательно.

<http://bllate.org/book/20108/1998748>